

СЕГОДНЯ «Борис Гребенщиков» почти всегда пишется только как «Б. Г.». «Б. Г. — это, конечно, давно уже не только человек. Это целое, сегодня почти академическое, культурное понятие...», — считает Сергей Соловьев. По его мнению, люди делятся на тех, кто знает, что такое Б. Г., и тех, кто об этом ни сном, ни духом. Первым, думаю, повезло больше.

Сквозь пластмассу и жест Иван Бодхидхарма склонен видеть деревья. Там, где мы склонны видеть столбы.

Наверное, это Б. Г. спил с себя.

Андрей Вознесенский называл его городским Робин Гудом. Бывший студент факультета математики и «русский советский поэт и композитор, руководитель группы «Аквариум», согласно авторскому примечанию к фильму «Асса», Б. Г. больше всего ценит независимость.

Дайте мне спеть эти пять нелогичных нот, Когда меня можно брать руками.

Родную «Мелодию» «Аквариум» интересует незначительно: за 18 лет жизни группы она удосужилась наштамповать лишь три ее диска. Кроме них, передо мной — замечательно умный плакат из белорусской «Крыницы»: фотография Б. Г. на «Черном квадрате» Малевича.

«Я бы предпочел, чтобы стихи, которые я пишу, существовали только в музыке, чтобы они были как си-

лы природы. А обо мне чтобы никто не знал», — сказал как-то Гребенщиков, известный чуть ли не всемирно.

Но вот «Аквариум» в Минске. Я сумел втиснуться лишь в пятый по счету троллейбус и с площади Свободы поехал к Б. Г. ...В зале — выставочном павильоне — за свои четыре с полтиной стояли тысячи людей, сгру-

Советский молодежник, Рима - 1990 - 30 июня - с. 4-5

«Интервью» у Б. Г.

дившихся перед такими далекими подмостками; где-то там, перед Б. Г., не ко времени бесновались «фаны», подальше показывались в такт руки и свечи; к тому же отвратительный звук!.. Да разве ТАК следовало слушать Б. Г.?! Впрочем, я здесь, чтобы поговорить с самим.

Встречаю знакомого журналиста с радио. Он решил взять инициативу в свои руки — полез договариваться с Б. Г. об интервью. Мне было его жаль: Гребенщиков потребовал от радиожурналиста интервью со всей группой и сделал его председателем, в то время как «Аквариум» «ужинал». За столами — группа, у стен — минские зрители, посредине — этот журналист... Думаю, это был не лучший вечер в его жизни, хоть и в компании с Б. Г. ...Я то и дело выключал свой диктофон, потому что писать, собственно, бы-

ло нечего: Б. Г. был в состоянии лишь, насмехаясь, издеваться. Однако кое-какие записи я решил сохранить.

Радиожур.: ...Борис сказал, что он — рядовой член группы...

Б. Г.: Нет, я в чине сержанта. Но тут есть и старшее чино.

Радиожур.: Устоявшаяся аббревиатура «великий Б. Г.» — что это, культ личности?

Поэтому мы не знаем. Мы ждем указаний Съезда или Пленума — как он называется?..

О. Скамаров: Со всей ответственностью, как музыковед, могу сказать, что тут Шнитке рядом и не валялся!

Б. Г.: Мы о-чень уважаем Шнитке...

(Дальше — четырехминутные рассуждения, кто же

Б. Г.: Это какой-то другой Б. Г. Это — Безопасность Гос... Белая Горячка (смеется).

Радиожур.: Альбом «Радио «Тишина» — это альбом «Аквариума»?

Б. Г.: Честно говоря, это как бы альбом «Аквариума», на котором «Аквариуму» не случилось быть. Так что альбом немножко хуже, чем он должен был быть. Но как халыва проходит вполне. Крепко сколоченная халыва.

Радиожур.: Какие у вас впечатления о фирме СВ?

Б. Г.: Такая же фирма, как «Мелодия». Только больше, там этажей сто, в «Мелодии» в Москве — три.

Радиожур.: И впечатления о фирме?

Б. Г.: Лучше всего — у Дюшки впечатления!

А. Романов: Я ее в глаза не видел!

Б. Г.: Я готов сказать свои ощущения по поводу фирмы СВ (дует в птичку-свистульку).

«Аквариум»: Поет пташечка Канареечка жалобно поет! Э-эх!

Радиожур.: Ваше мнение о новой пластинке?

О. Скамаров: Я не привык так говорить, когда нет установок на то, как говорить.

Б. Г.: Дело в том, что ЦК КПСС еще не дал указаний по поводу того, что говорить.

здесь «валялся» — Шнитке или Бах?)

К «сержанту» Борису подсел Петя Трошенков и, качнув головой, сказал, что пора это кончать. Однако «интервью» продолжалось. «Аквариум» сидел одной своей компанией. Там не было генералов с лампасами и полководцев со звездами; ребята были веселы и плевали на всякие условности типа офицеров и излишней тактичности по отношению к глупцу. Этакая община.

Когда «Аквариум» «поужинал», я подошел к Б. Г.

— Легко ли быть богом?

— Попробуйте спросить у Бога.

— В беседе с американским журналистом Дж. Бессманом вы сказали: «Я достиг всего, чего мог, в России»...

— Нет, это неправда. Это была правда на тот момент.

— Новое — это будет революция?

— (Неожиданно серьезно.) По-моему, хватит одной революции. Хватит крови. Кстати, я и вам тоже не рекомендую революции.

— Латвию, видимо, пока ожидает путь реформ.

— Дай вам Бог! Без крови лучше, потому что не приходится тащить ее на совети.

— Артем Троицкий свистел, что большую

часть своего времени вы проводите за чашкой чая и чтением сказочно-фантастической литературы. Так ли это?

— Нет. На этот интимный вопрос мне отвечать как-то не с руки.

— Человек начинается и происходит из детства. Каким было ваше детство?

— Моел.. Я помню.

— А вслух?

— А это не относится к

— Я предпочитаю рассматривать каждого человека отдельно. А всю группу я только что наблюдал.

— (Озадаченно.) Да?..

— Плохо отзываясь о журналистах в пресс-центре МИД СССР, вы назвали их «классом». Мне до сих пор непонятна ваша формулировка.

— Класс людей, которые врут больше всех.

— Значит, классы характеризуются только тем, врут они или нет?

— У них работа такая — врать, писать то, что выгодно редактору.

— У всех журналистов?

— Ну, у всех, кого я видел.

— Готов оспаривать... В заключение — пожелания читателям «СМ».

— Главное — не будьте

атеистами. Атеист — это проклятие.

«Какой барский голос! — воскликнул знакомый литературный анатом, едва услышав запись интервью; он откровенно завидовал: «Ныне мало кто умеет так говорить! Чувствуется, что у этого барина пальцы в перстнях!».

Я же поблагодарил Б. Г. за оказанную честь, еще несколько раз «щелкнул» своим «Зенитом» его миротворчески-спокойное лицо среди минских зрителей. Но автобус «Аквариума» не приехал, а к Борису косяком за автографом шел люд. Подошел и я — за адресом, чтобы, отправив вот эту публикацию, доказать: наша газета не врет.

Что ты на это теперь скажешь, Борис?

Сергей ШАПРАН.

разряду моей личной жизни?.. Мое детство? — а мне... не интересно.

— Некоторые упрекают вас в том, что в Америке вы пели на английском. Как вы расцениваете такого рода замечания?

— Хорошо, что упрекают. Но я не должен объяснять. Я не КГБ. Мне было интересно... Я очень хорошо отношусь к Комитету госбезопасности. Меня с ним связывает долгая и тесная дружба в теплой и непринужденной форме.

— И вы надеетесь на продолжение этой «дружбы»?

— Я думаю, наша дружба вечна.

— Однажды, отвечая на вопрос, сильный ли вы человек, вы сказали, что сильный глух ко всему, кроме своей силы, поэтому предпочитаете и надеетесь быть слабым...

— Какой я умный, оказывается!.. Не знаю. Я больше об этом не думаю.

— Но вы это говорили?

— Откуда я знаю?! Вам виднее: вы — журналист. (После паузы.) Почему все вопросы к Гребенщикову? Группа вас совсем не интересует! Вы предпочитаете отделять человека от группы?